

**Институт восточных рукописей Российской академии наук
Российское историческое общество**

**Посвящается 200-летнему Юбилею
Азиатского музея/Института восточных рукописей РАН**

Всероссийская научная конференция

**АКАДЕМИК В.П. ВАСИЛЬЕВ (1818-1900) КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КИТАЯ, ТИБЕТА И МОНГОЛИИ.
К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ.**

**4 апреля 2018 г.
г. Санкт-Петербург**

**ПРОГРАММА
ТЕЗИСЫ**

Составители: Т. А. Пан, И. В. Кульганек

Санкт-Петербург
2018

Для преподавания маньчжурского языка В.П. Васильев составил «Маньчжурскую хрестоматию для первоначального преподавания», изданную в Санкт-Петербурге в 1863. Она состоит из нескольких разделов: переводы с китайского языка классических произведений, образцы разговорного языка из маньчжурских сборников «Тангу мэйнь» и «Циньвэнь цимэн», тексты российско-китайских договоров на маньчжурском языке. Таким образом, в ней представлены основные образцы маньчжурского языка. Хрестоматия была напечатана в Типографии Императорской Академии наук, где к тому времени уже были восточные шрифты.

Немного позднее, в 1866 г., литографическим способом был издан «Маньчжурско-русский словарь, составленный для руководства студентов, Профессором Санкт-Петербургского университета В. Васильевым», содержащий 5 849 гнездовых слов, расположенных по порядку русского алфавита. В своем предисловии к словарю В.П. Васильев пишет: «Не будучи обширен, лексикон мною составленный списывался до сих пор каждым учившимся у меня студентом, конечно, не без ошибок, потому что я не могу похвастаться разборчивым почерком. Вот почему, когда Г. Студент 2-го курса Кортнев просил меня о дозволении отлитографировать этот лексикон, я не мог не согласиться на его предложение, хотя конечно, мне не хотелось бы издавать в свет труд несовершенный. Однако все же, пока мы не будем иметь лексикона лучше, и этот труд может приносить некоторую пользу». Этот словарь был первым изданным в России словарем маньчжурского языка и в течение многих лет был единственным справочным пособием по этому языку, до издания знаменитого «Полного маньчжурско-русского словаря» учеником В.П. Васильева – И.И. Захаровым в 1877 г.

В.П. Васильев оставался единственным преподавателем китайского и маньчжурского языков на всех четырех курсах китайско-маньчжурского разряда в течение 12 лет. После него на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета маньчжурский язык преподавали И.И. Захаров (1814-1885) и А.О. Ивановский (1863-1900), активно использовавшие учебные пособия своего учителя. Фактически, ученики В.П. Васильева были последними преподавателями на Восточном факультете, дававшими маньчжурский язык на регулярной основе.

Почкаев Р.

**Между двумя империями: правовое положение Кульджи
во второй половине XVIII – первой половине XIX в.
(по запискам русских путешественников)***

Интерес В.П. Васильева к Кульдже и ее значению для России и российско-китайских отношений не сводился к изучению истории этого региона и восточных источников о нем. В 1870-е гг. он опубликовал ряд концептуальных статей в российских газетах, где подчеркивал особенности статуса Кульджи и ее стратегическую важность для России и ее отношений с народами и государствами Центральной Азии. Обратившись к материалам второй половины XVIII – первой половины XIX вв., можно убедиться, что доводы В.П. Васильева имели под собой давние основания, и важность значения Кульджи для восточной политики России осознавалась задолго до восстания в Восточном Туркестане и временного присоединения Илийского края к России в 1871–1881 гг.

Настоящее исследование представляет собой анализ правового положения Кульджи со времени включения этого региона в состав империи Цин и до образования Кульджинского (таранчинского) султаната в 1860-е гг. Основными источниками являются записки российских современников, побывавших в Кульдже в рассматриваемый период.

* Исследование проведено в рамках проекта № 18-IP-01, поддержанного НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург.

Среди них были торговцы, дипломатические чиновники, военные разведчики, обращавшие внимание на самые разных аспекты статуса Кульджи в составе империи Цин. Наиболее важными представляются записки и отчеты казачьего атамана Г. Волошанина, секунд-майора Богданова, коллежского регистратора А.Т. Путинцева, вице-директора Азиатского департамента МИД Н.И. Любимова, поручика Ч.Ч. Валиханова.

Сведения путешественников представляют весьма большую важность для понимания особенностей статуса этого региона в международных отношениях в Центральной Азии. Российские очевидцы обращают внимание на специфику и пестроту этнического состава населения этого региона, фактически «искусственно» сформированного властями империи Цин после разгрома Джунгарского ханства и физического истребления значительной части его основного населения – ойратов. При этом этническая принадлежность, как отмечают путешественники, являлась определяющим критерием правового положения той или иной части населения: представители мусульманских народов (дунгане, таранчи) осуществляли торговую деятельность, из их числа формировалась местная администрация. Представители же монгольских племен, переселенных в Кульджу, чаще всего осуществляли военные функции, в т.ч. правоохранные, поскольку пользовались большим доверием со стороны китайских властей.

Путешественники достаточно подробно характеризуют организацию местной власти в Кульдже – китайской власти и мусульманских органов самоуправления, функции и пределы их полномочий, особенности взаимодействия между собой и при взаимоотношениях с иностранцами (дипломатами и торговцами). Отмечается российскими путешественниками противоречивый характер организации системы власти и управления в регионе, что, в конечном счете, и обусловило активное участие местного населения в мусульманском восстании 1860–1870-х гг.

Достаточно подробно, с учетом политико-правовой специфики описан российскими современниками порядок взаимодействия властей Кульджи с иностранцами – в первую очередь именно с русскими. После гибели Джунгарского ханства регион фактически оказался закрыт для иностранцев, однако китайские власти не могли не понимать его значения для торговли империи Цин с другими державами, что обусловило особый, компромиссный статус иностранных торговцев: они имели возможность попадать в Кульджу и вести там дела на основе разрешения, полученного от казахских правителей Среднего жуза. Компромисс заключался в том, что сами казахские ханы и султаны юридически являлись подданными российской империи, однако при этом нередко признавали и власть империи Цин, будучи даже интегрированными в состав ее правящей элиты с титулами ванов и гунов. И хотя во многих случаях подобный статус казахских правителей являлся причиной роста напряженности в отношениях Российской и Цинской империй, с точки зрения доступа русских в Кульджу он имел, скорее, положительное значение.

Путешественники достаточно подробно описывают регулирование торговых отношений в Кульдже, в т.ч. прохождение таможенных структур, составление описей товаров, порядок их хранения, некоторые приемы и способы, позволявшие торговцам (как иностранным, так и местным) получать больше прибыли и платить меньше налогов со своих товаров в пользу китайской администрации. Подробно характеризуется система торговых налогов и пошлин в пользу китайских властей и местного самоуправления, в которой также нашли отражение элементы как цинского имперского, так и мусульманского традиционного права.

После заключения Кульджинского договора 1851 г. между Российской и Цинской империями регион перестал быть закрытым для российских дипломатов и торговцев, и они получили законное право пребывать и вести дела в Кульдже. Юридически оно было закреплено созданием института торговых консулов в регионе. Соответственно, путешественники (в частности, Ч.Ч. Валиханов) дают характеристику значения этих

российских представителей в Кульдже, их роли и значения, возможностей влияния на политико-правовую и экономическую обстановку в регионе, особенности отношения к ним цинской администрации и местного населения.

Все эти сведения позволяют убедиться в важности Кульджи как региона-«посредника» в русско-китайских отношениях, специфике его «переходного» правового статуса и особом отношении к российским представителям со стороны местной администрации и населения. Эти факторы, а также заинтересованность русских властей и торговых кругов в поддержании и развитии торговли с Китаем именно через Кульджу способствовали формированию особого положения региона и росту влияния российских дипломатических и торговых представителей в нем. Таким образом, есть все основания считать, что Россия задолго до мусульманского восстания 1860–1870-х гг. имела стратегические (политические и экономические) интересы в этом регионе, и временное установление контроля российских властей над Кульджей в 1871 г. с целью ликвидации угрозы пограничным областям самой России являлось, в принципе, логическим следствием отношений империи с этим регионом, который и в середине XIX в. не воспринимался как часть империи Цин, а, скорее, как некоторое буферное образование. Подобный статус Кульджи, в принципе, является ярким отражением специфики международно-правовых отношений в Центральной Азии в связи с имперской политикой серьезных игроков на политической арене – Российской и Цинской империй, Джунгарского ханства и др. Порой именно длительное сохранение «переходного» правового статуса того или иного региона способствовало признанию его подконтрольности той или иной империи при условии предоставления дополнительных возможностей деятельности в нем и представителей других крупных государств. Подобные примеры дают основание для формирования новых представлений о понимании суверенитета и вассалитета в центрально-азиатских реалиях средневековья и нового времени, которые порой совершенно не вписываются в теоретические концепции, посвященные этим явлениям.

Анализ сведений российских путешественников второй половины XVIII – первой половины XIX вв., следовательно, является убедительным подтверждением утверждений В.П. Васильева о роли и значении Кульджи для Российской империи и о ее отношениях с империей Цин.

Успенский В.Л.

Малоизвестные аспекты научной деятельности академика В.П.Васильева

Академик В.П.Васильев по образованию был монголоведом. Он был направлен в Пекин для подготовки к занятию кафедры тибетологии, которую предполагалось учредить в Казанском университете. Несмотря на то, что во время своего десятилетнего пребывания в Пекине (с 1841 по 1850 гг.) В.П.Васильев готовился стать первым российским профессором-тибетологом, волею обстоятельств по возвращении в Казань он занял китайско-маньчжурскую кафедру и стал основоположником российского научного китаеведения. И прежде всего именно в этом своем качестве он вошел в историю отечественной науки.

Между тем, его деятельность на поприще монголоведения и тибетологии, которая не прекращалась до конца его долгой жизни, не привлекала большого внимания позднейших исследователей, а то и вовсе была забыта.

Прежде всего это относится к собиранию книг на монгольском языке. В.П.Васильев имел возможность тщательно изучить коллекцию монгольских книг, ранее привезенных из Пекина его учителем О.М.Ковалевским. Стремясь дополнить эту коллекцию, В.П.Васильев собрал большое количество монгольских рукописей и